

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЧЕМ ДВИЖИМ ЗАПАД В СВОЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ?

ЮРИЙ БОРОВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В 2022 г. после начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине государства, составляющие «коллективный Запад», ввели беспрецедентные энергетические санкции против Москвы. Настоящая статья выявляет мотивы энергетической политики «коллективного Запада». Первая часть представляет утилитарное видение проблемы. Автор приходит к выводу, что, несмотря на сланцевую революцию в США и развитие возобновляемой энергетики, западные государства продолжают сильно зависеть от импорта нефти и газа и, значит, в энергетической политике главным образом движимы желанием нивелировать критическую значимость углеводородов во избежание политических и экономических последствий. Во второй части статьи западная энергетическая политика рассмотрена на тактическом уровне, на котором она может иметь либо оборонительный, либо наступательный характер, а также на стратегическом уровне, где «коллективный Запад» в основном нацелен на осуществление энергоперехода. Статья показывает, что с точки зрения теории международных отношений энергетическая политика Запада в её тактическом и стратегическом измерении в наибольшей степени вписывается в реалистскую концепцию. Базовые либеральные императивы влияют на неё в недостаточной степени, а конструктивизм не способен выявить объективные закономерности в действиях Запада в энергетической сфере. Дополнительные теоретические точки опоры для понимания мотивов «коллективного Запада» в области энергоснабжения дают концепции либерального интервенционизма и неоконсерватизма, а также неомарксизм. Последний видит энергетическую политику Запада в контексте противоборства государств «центра», «периферии» и «полупериферии».

Ключевые слова:

энергетическая политика; США; ЕС; санкции; энергетический кризис; Россия; Иран; Венесуэла.

После начала специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. государства, составляющие «Запад»¹, в беспрецедентном масштабе использовали

«энергетическое оружие». Цели этих действий декларировались открыто – лишить Москву возможности экспортировать углеводородные энергоносители, особенно по вы-

¹ В настоящей статье под странами Запада, или западными государствами, предлагается понимать США, Канаду и страны Европы, объединённые в рамках НАТО и ЕС (ранее ЕЭС), а также ближайших союзников США и Великобритании в АТР – Японию, Республику Корея, Австралию и Новую Зеландию. Страны Запада в полном составе представлены в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), исключение – Мексика, Колумбия и Коста-Рика, которые при проамериканских правительствах также вполне могут считаться западными. Консолидированная позиция западных государств в рамках Украинского кризиса, начавшегося в 2014 г., привела к появлению понятия «коллективный Запад», которое применяется в том числе в Концепции внешней политики РФ, утверждённой Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 10.05.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2022

Дата принятия к публикации: 21.12.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: yuribor@mail.ru

соким ценам и тем самым вынудить её изменить свою политику в украинском вопросе. Тем не менее введённые против Российской Федерации жёсткие санкции в энергетическом секторе бумерангом ударили по самим западным государствам, поставив многих из них в сложное, даже критическое положение.

В таких условиях на второй план отошёл, по крайней мере временно, четвёртый энергопереход², который до февраля 2022 г. считался главным и неоспоримым приоритетом. Даже возврат к потреблению угля, самого пагубного для экологии и климата энергоносителя, перестал вызывать решительное противодействие в западном мире³, хотя ещё в 2021 г. такая мера казалась недопустимой. Подобная ревизия ставит вопрос: чем, в сущности, движим «коллективный Запад» в своей энергетической политике⁴? Политическим соперничеством, экономическими стимулами, экологическими озабоченностями? Цель настоящей статьи – выявить основополагающие мотивы энергетической политики западных государств.

В научной литературе присутствуют публикации, посвящённые энергетической политике США, Европейского Союза или Японии [Касем 2017; Yergin 2020; Голунов 2021; Подоба 2021; Старкин и др. 2022], но об энергетической политике Запада в целом (так называемого «коллективного Запада») пишут на удивление редко [Evans 1978; Сидорова 2016; Муслимов 2022].

При исследовании энергетической политики «коллективного Запада» важно сделать существенные оговорки о границах такой коллективности. Справедливым является довод, что различные западные госу-

дарства в области энергоснабжения занимают неодинаковое положение и, как следствие, они могут быть движимыми разными, в том числе противоположными, интересами в энергетической сфере. Например, США после сланцевой революции способны сами обеспечить свои энергетические потребности. К тому же им доступен мощный энергетический потенциал соседней Канады, которая, как и Норвегия, не испытывает особых проблем с энергоснабжением. Эти три страны обладают существенными экспортными объёмами нефти и газа.

Государства–члены ЕС или Япония, напротив, сильно зависят от импорта углеводородов. Не случайно до 2022 г. между Вашингтоном и Брюсселем существовали серьёзные противоречия, связанные с трубопроводом «Северный поток-2».

Кроме того, энергетические интересы отдельных стран Запада, в первую очередь ЕС, имеют ярко выраженную национальную специфику. Наглядной иллюстрацией является Германия, которая считалась критически зависимой от трубопроводных поставок российского газа. В случае с Венгрией нефтяные поставки из России важны в большей степени, чем для ФРГ. Между тем для Парижа недопустим отказ от атомной энергии, хотя Берлин, например, решился пойти по этому пути.

Вместе с тем в западных странах ведутся принципиальные внутривнутриполитические дискуссии по поводу приоритетов энергетической политики, которые нередко становятся предметом жарких споров в рамках ЕС или в более представительных форматах западного мира («Группа семи», НАТО). Явные противоречия вызывают сроки и

² Четвёртый «энергетический переход», начавшийся в 2000-х годах, заключается в отказе международного сообщества от ископаемого топлива и его переходе на возобновляемые и иные низкоуглеродные / безуглеродные источники энергии в целях противодействия изменению климата и сохранения окружающей среды.

³ Угольный дым: почему в Европе открывают закрытые шахты и надолго ли это [Электронный ресурс] // Forbes.ru. 2022. 18 мая. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nyj-dym-pocemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ В статье под энергетической политикой понимается комплекс усилий (мер) государства или группы государств, связанных с гарантированным, приемлемым по цене и экологически чистым энергоснабжением. Вместе с тем государства или группы государств могут стремиться достигать в рамках своей энергетической политики как сугубо энергетические, так и экономические и политические цели.

методы осуществления четвёртого энергоперехода, оправданность поддержки ближневосточных режимов и другие сюжеты.

Между тем на стратегическом уровне государства Запада способны проявлять солидарность в энергетической сфере и даже идти на весьма чувствительные для себя жертвы, когда на кону оказываются интересы так называемого западного мира. Единодушное введение масштабных санкций в области энергетики против России с 2014 г. и особенно с 2022 года, а также в конечном счёте солидарная блокировка проекта «Северный поток-2» тому наглядное свидетельство.

Государства-члены ЕС и Япония, критически зависимые от российских углеводородов, вполне могли поставить во главу угла свои приоритеты в сфере энергетики и в существенной мере смягчить тот пакет антироссийских санкционных мер, который впоследствии был принят⁵. Существующие локальные расхождения, связанные, допустим, с глубиной и скоростью введения энергетических санкций против России или планом Брюсселя по снижению потребления газа в ЕС⁶ на 15% зимой 2022/23⁷, не отменяют наличия общего стратегического согласия.

Консолидированный курс стран Запада на четвёртый энергопереход является ещё одним доказательством их единодушной

позиции. США после сланцевой революции, а также Канада и Норвегия, обладающие огромным долгосрочным нефтегазоэкспортным потенциалом, вполне могли попытаться его отсрочить, если не свести на нет. Таким образом, у стран Запада есть общие интересы, которые делают их энергетическую политику более сплочённой, несмотря на противоречия.

Не следует также забывать, что в 1974 г. страны Запада — в ответ на первый мировой нефтяной кризис — создали Международное энергетическое агентство (МЭА), связав себя в рамках организации узами коллективной энергетической безопасности. Доводы относительно того, что вследствие сланцевой революции США и их энергетические корпорации увидели в европейских и азиатско-тихоокеанских союзниках источник экспортной выручки, отчасти верны [Подоба, Лаврова 2021]. Тем не менее Вашингтон не намерен снимать с себя ответственность за энергетическую безопасность западного мира, что чётко зафиксировано в Стратегии национальной безопасности (СНБ) США 2022 года⁸, а также отмечено в практических шагах президента Дж. Байдена, поддержавшего в марте 2022 г. создание Целевой группы европейской энергетической безопасности при участии Соединённых Штатов и Европейской комиссии⁹.

⁵ В начале 1980-х годов ведущие страны Европейского экономического сообщества (будущего ЕС), а именно ФРГ, Великобритания, Франция и Италия выступили решительно против санкционных усилий администрации Р. Рейгана по запрету участия западных компаний в проекте сооружения трансконтинентального газопровода «Уренгой—Помары—Ужгород». Тем самым они поставили на первое место свои энергетические и экономические интересы. См.: *Боровский Ю.В.* Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №3. С. 42—60.

⁶ Council adopts regulation on reducing gas demand by 15% this winter; press release of the Council of the EU, 5 August 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/08/05/council-adopts-regulation-on-reducing-gas-demand-by-15-this-winter/> (accessed: 10.05.2023).

⁷ План был принят большинством государств-членов ЕС, несмотря на несогласие Венгрии и Польши. См.: План ЕС по снижению потребления газа на 15% отказались поддержать Венгрия и Польша [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2022. 5 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5501415> (дата обращения: 10.11.2022).

⁸ The National Security Strategy of the United States of America. October 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 16.11.2022).

⁹ Joint Statement by President Biden and President von der Leyen on European Energy Security. June 27, 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/27/joint-statement-by-president-biden-and-president-von-der-leyen-on-european-energy-security/> (accessed: 16.11.2022).

В ряде научных работ уже предпринимались попытки анализировать энергетическую политику государств, в том числе западных, сквозь призму теории международных отношений (ТМО) [Трачук 2013; Хлопов 2016; Райнхардт, Проничкин 2018; Heinrich, Szulecki 2019; Лебедев 2021; Боровский, Шишкина 2022]. Примечательно, что внимание учёных главным образом привлекали реалистский и конструктивистский подходы. Содержащиеся в этих работах гипотезы, оценки и результаты весьма интересны, но в связи с обстоятельствами текущей геополитики требуют дальнейших проверок, уточнения и обсуждения.

Утилитарный взгляд на энергетическую политику Запада

Исходной точкой для теоретических и эмпирических изысканий в сфере международных энергетических отношений служит констатация двух обстоятельств: с XIX века мировая система энергоснабжения опирается главным образом на ископаемые углеродные энергоресурсы¹⁰, а их запасы распределены на планете крайне неравномерно¹¹. Следовательно, одни страны вынуждены экспортировать нефть, газ или уголь, а другие — их импортировать. Четвёртый энергопереход, начавшийся в 2000-х годах, должен в будущем привести к ситуации, когда человечество перейдёт на потребление преимущественно возобновляемой и иной чистой неуглеродной энергии и непреодолимая взаимозависи-

мость между экспортёрами и импортёрами нефти, газа и угля уйдёт в прошлое [Smith 2010, 2017].

Тем не менее этот переход произойдёт, при самом благоприятном сценарии, не раньше середины текущего столетия¹². Вместе с тем нельзя исключать, что на смену углеродным энергоносителям придут другие дефицитные и по-разному доступные редкие металлы (литий, кобальт и др.) и водород, без которых сегодня сложно представить новую неуглеродную энергетику [Борисов 2020; Гулиев, Соловова 2021].

Страны, объединённые понятием «Запад», не являются исключением из общих тенденций. Наряду с остальным миром они продолжают удовлетворять свои потребности в энергии преимущественно за счёт углеродного топлива — импортного или собственного. В 2021 г. доля нефти, газа и угля в консолидированном энергобалансе западных государств составляла около 77%. Она меньше, чем полвека назад — в 1970 году (93%), но по-прежнему велика. Если взять эти три энергоносителя по отдельности, в 1970–2021 годах доля нефти снизилась в энергопотреблении стран Запада с 50 до 36%, угля — с 25 до 13%, а доля природного газа, напротив, выросла с 18 до 28%¹³.

Получается, что в 1970–2021 годах роль нефти и угля сокращалась в совокупном энергобалансе западных государств, что отчасти компенсировалось ростом в нём доли природного газа. Примечательно, что в указанные годы, несмотря на политические,

¹⁰ В 2021 г. доля нефти, газа и угля составляла 82% в мировом энергобалансе, в 1965 г. куда больше — 94%. См.: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 11.11.2022).

¹¹ Например, в 2020–2021 годах на страны ОПЕК+ (13 стран ОПЕК и 11 сторонних экспортёров, включая Россию, Азербайджан, Казахстан и Мексику) приходилось ~80% мировых доказанных запасов нефти; свыше 55% мировой добычи нефти и только ~15% мирового потребления нефти. См.: BP Statistical Review of world energy — all data, 1965–2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html> (accessed: 11.11.2022).

¹² World Energy Outlook 2021: report of the International Energy Agency, October 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021>; BP Energy Outlook 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2022.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹³ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

экономические и экологические вызовы, нефть сохранила на Западе статус крупнейшего источника энергии, а природный газ вышел на второе место. В 2021 г. на них приходилось в совокупном энергобалансе западных стран внушительные 64%, в то время как на все вместе взятые возобновляемые источники энергии (ВИЭ) — только 15%, на атомную энергию — лишь 8%¹⁴.

Поддавливающее большинство стран Запада не может обойтись без импорта углеродных энергоносителей, что является главной проблемой их энергетической безопасности. Тем не менее такая зависимость при её более детальном рассмотрении обретает дополнительные немаловажные черты. За период, прошедший после окончания Второй мировой войны, западные государства кардинально снизили долю угля или твёрдого топлива в энергобалансах, руководствуясь экономическими, а также экологическими и климатическими мотивами¹⁵. К 2021 г. совокупно эта доля сократилась до 13%, тогда как в 1965 г. составляла 34%¹⁶. В 1940 г. уголь обеспечивал 84% энергетических потребностей стран Западной Европы и 47% — Северной Америки¹⁷.

Исторически добыча и потребление угля в западных государствах, взятых в совокупности, находились примерно на одном уровне. Вместе с тем с 1980-х годов благо-

даря росту угледобычи в Австралии стал образовываться существенный профицит. В 2021 г. в странах Запада добыча угля оказалась больше его потребления¹⁸. Эти государства различаются, и многие из них выступают нетто-импортёрами угля, но наличие таких излишков у идеологических партнёров снижает критическую значимость твёрдого топлива во всём западном мире. Кроме того, США и ряд европейских государств, включая Германию, располагают значительными неразработанными угольными запасами¹⁹. При необходимости они могут нарастить добычу в ущерб экологии и климату. Применительно к уязвимости стран Запада, связанной с импортом углеродного топлива, уголь утратил стратегический статус, если не брать в расчёт его роль в качестве резервного топлива во время энергетических кризисов²⁰.

До свершения сланцевой революции в США совокупная зависимость западных государств от импортной нефти и газа была критической. В 2005 г. за счёт собственной добычи они удовлетворяли потребности в нефти лишь на 41%, в природном газе — на 75%. Для сравнения: в 1970 г. страны Запада обеспечивали себя нефтью только на 40%, а газа добывали на 2% больше своих нужд. В 2021 году, благодаря активизации сланцевых разработок в США, обеспе-

¹⁴ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹⁵ Уголь является не только самым грязным углеродным источником энергии, но и в наибольшей степени (в сравнении с нефтепродуктами и газом) пагубно влияет на климат. См.: Carbon Dioxide Emissions Coefficients. [Электронный ресурс] URL: https://www.eia.gov/environment/emissions/co2_vol_mass.php (accessed: 12.11.2022).

¹⁶ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] ...

¹⁷ World Energy Consumption 1800–2000: The RESU / Encyclopédie de l'énergie. [Электронный ресурс] URL: <https://www.encyclopedie-energie.org/en/world-energy-consumption-1800-2000-results/> (accessed: 12.11.2022).

¹⁸ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹⁹ По состоянию на конец 2021 г. на США приходилось 23,2% мировых доказанных запасов угля, Германию — 3,3%. См.: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²⁰ Germany to reactivate coal power plants as Russia curbs gas flow [Электронный ресурс] // The Guardian. 2022. 8 July. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/08/germany-reactivate-coal-power-plants-russia-curbs-gas-flow> (accessed: 12.11.2022).

ченность «коллективного Запада» собственной нефтью достигла 65%, природным газом — 84%²¹. Это стало приращением с точки зрения энергетической безопасности, но совокупная зависимость западных государств от углеводородного импорта по-прежнему осталась критической.

Таким образом, в современную эпоху именно вопрос доступа к углеводородам составляет стратегический вызов объединённому Западу в области энергоснабжения. Нефти и газа — при неблагоприятном развитии событий — может не хватить этим странам (как промышленным предприятиям, так и населению), или их рыночная стоимость будет настолько высокой, что она вызовет негативные экономические и социальные последствия (остановка предприятий, общественные волнения). Эта тенденция стала наблюдаться в 2022 г. после начала СВО России на Украине. В течение года спотовые мировые цены на нефть превышали 120 долларов за баррель (Brent), европейские цены на газ (TTF) — 3500 евро за тыс. куб. м²². При таком уровне цен только импортные углеводороды могли обходиться государствам Запада более чем в 1,5 трлн долларов в годовом выражении²³.

В условиях, описанных выше, объединённый Запад движим в своей энергетической политике первостепенным желанием снизить критическую значимость нефти и газа, учитывая не только риск столкнуться с острым дефицитом, но и с ценовыми шоками, чреватými серьёзными экономическими и политическими потрясениями для западного сообщества, его ценностей и доминирующих позиций в мире. Иные вызовы, включая экологические и климатические, также по-своему важны, но на начало 2020-х годов не имеют столь же

высокой критичности с экономической и политической точек зрения даже на фоне наблюдаемых засух, лесных пожаров и наводнений.

Теоретическая трактовка международных энергетических отношений

Различные направления ТМО предлагают неодинаковое понимание международных энергетических отношений. **Реалистская** школа трактует энергетику сугубо как фактор, усиливающий или ослабляющий позиции государств в их политическом соперничестве [Luft, Korin 2009]. В понимании реалистов, любому государству, рассчитывающему быть полноценным игроком на международной арене, необходимо нивелировать риски, связанные с зависимостью от импорта энергоносителей, если таковые есть; в идеале — обладать энергетической независимостью или суверенитетом [Schellyetal 2020]. Многостороннее сотрудничество как в целом, так и в энергетической сфере не противоречит реалистским установкам, но при условии существования общей угрозы [Luft, Korin 2009].

Если переложить видение, присущее сторонникам оборонительного и наступательного реализма [Mearsheimer 2001; Lobell 2010], на область энергоснабжения, получится, что первые готовы балансировать и довольствоваться защитными мерами в рамках текущего, в том числе невыгодного им, статус-кво. Вторые — наступать, пользуясь доступным энергетическим оружием, а если существующее положение невыгодно, пытаться в корне его изменить [Хлопов 2016].

Либеральная школа ставит во главу угла свободные экономические отношения в мире и видит энергетику их неотъемле-

²¹ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²² Trading Economics. [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/brent-crude-oil>; URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/eu-natural-gas> (accessed: 12.11.2022).

²³ Расчёты произведены на основе показателей стран Запада по экспорту и импорту углеводородов в 2021 г. Данные: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

мой частью. Взаимозависимость, возникающую между импортёрами и экспортёрами энергоносителей, либералы склонны считать в большей мере благом. С их точки зрения, зависимые друг от друга государства меньше стремятся к применению силы и нарушению стабильности [Keohane, Nye 2000; Harsen, Claes 2013]. Для купирования всевозможных рисков, мешающих рыночным отношениям, а также максимизации выгод всех сторон либералы выступают за коллективное взаимодействие государств, особенно институализированное и основанное на международном праве [Luft, Korin 2009].

В политическом плане либерализм ратует за распространение демократии, повсеместное уважение прав и свобод человека, беспрекословное соблюдение принципов международного права [Shirayev, Zubok 2019]. В то же время либеральный интервенционизм как современная форма либерального интернационализма оправдывает активное, включая силовое, вмешательство в суверенные дела «несвободных» стран с целью их трансформации на основе либерально-демократических принципов, а также продвижения свободы и демократии в глобальном масштабе [Lipsev 2016; Oleetal 2019].

Близок к либеральному интервенционизму американский неоконсерватизм, являющийся особым идеологическим течением в политических кругах США. Он выражается в поддержке активной, в том числе силовой, борьбы США с нелиберальными режимами и силами, поскольку они угрожают американскому глобальному лидерству и ценностям, на которых первое основывается [Сушенцов 2016]. Стоит помнить, что приоритетом для американских неоконсерваторов остаются национальные интересы Соединённых Штатов. Между тем либеральные интервенционисты в первую очередь добиваются построения глобального либерального миропоряд-

ка. В нём Вашингтону отведена роль гаранта или консолидирующего центра, а американские национальные интересы либо имеют вторичное значение, либо приравниваются к интересам глобального либерального мира [Шаклеина 2019]²⁴.

Представители этих двух течений не могут не видеть, что целый круг нелиберальных, на их взгляд, стран зависит в своём экономическом развитии и проецировании геополитической мощи от экспорта углеродных энергоносителей. Значит, их нефтегазовая и угольная индустрии подлежат, по мнению западных стратегов, сдерживанию или, если того требуют обстоятельства, разрушению. С некоторой долей условности американский неоконсерватизм можно отождествлять с наступательным реализмом, а либеральный интервенционизм (по аналогии с дихотомией в реализме) — с наступательным либерализмом.

Согласно **конструктивистскому** ответвлению ТМО, характеристики международных отношений, касающиеся среди прочего энергетики, формируются в ходе непрерывных социальных процессов и зависят от взглядов конкретных групп, например правящей элиты или населения той или иной страны [Ozcan 2013]. Такие группы в силу своих убеждений и сложившихся обстоятельств могут стоять на реалистских, либеральных или иных позициях. Существует вероятность, что последние со временем претерпевают изменения. Согласно конструктивистскому подходу, угрозы безопасности государств существуют не сами по себе, а возникают в восприятии конкретных групп и политизируются ими в ходе процесса секьюритизации. Необходимо отметить, что проблемные рамки безопасности могут охватывать самые разные области, включая экономику, энергетику или экологию [Heinrich, Szulecki 2019; Гайдаев 2021; Grantetal 2015].

Наконец, **неомарксистский** подход постулирует, что именно капиталистическая

²⁴ Bosco D. What divides neocons and liberal interventionists // Foreign Policy. 2012. 9 April. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/04/09/what-divides-neocons-and-liberal-interventionists/> (accessed: 10.05.2023).

мир-экономика, возникшая примерно к 1500 году, формирует систему международных отношений, или мир-систему. В такой мир-системе государства уподобляются социальным классам, обслуживающим национальный и глобальный капитал. «Государства-эксплуататоры» в лице развитых стран Запада формируют центр, или ядро, мир-системы.

Менее развитые страны мира образуют периферию и эксплуатируются центром на основе неэквивалентного обмена. Ряд государств наделен полупериферийным статусом. В их число входит, например, Россия, которая за всё время не смогла стать частью центра, но благодаря своей геополитической мощи и военной силе избежала участи периферийных стран. Неомарксизм допускает вхождение отдельных стран периферии и полупериферии в состав центра, однако для подавляющего большинства остальных государств этот переход невозможен [Wallerstein 2004; Amin 1977; Hardt, Negri 2001; Дробот 2014].

Как писал В.И. Ленин, капитализм в своём развитии движется от стадии первоначального накопления капитала к стадии монополистического капитализма или империализма [Ленин 2022]. Согласно неомарксистам, в современную эпоху мировой центр зиждется на пяти монополиях: (1) новые технологии; (2) глобальные финансы; (3) доступ к природным ресурсам; (4) международные коммуникации и СМИ; (5) военные средства массового уничтожения [Amin 1997; Ghosh 2021].

Исходя из вышесказанного, страны Запада, формирующие мировой центр, вместе со стоящим за ними западным (либеральным) капитализмом нуждаются в доступе к базовым энергоресурсам для поддержания доминирующего статуса. В существующей системе энергоснабжения — это нефть, газ и уголь. Если такого доступа у них нет, а неэквивалентный обмен с периферией или полупериферией, где такие ресурсы имеются, невозможен, государства центра будут стремиться к корректировке или коренному слому такого положения дел.

Таким образом, процессы, происходящие в мировой энергетике, могут по-разному интерпретироваться в различных школах ТМО. В реалистской — через призму политической силы; в либеральной — под углом зрения свободных рыночных отношений и продвижения либеральной идеологии, в конструктивистской — с опорой на восприятие среды и угроз безопасности конкретными аудиториями в определённые периоды и, наконец, в неомарксистской — в контексте противостояния государств «центра», «периферии» и «полупериферии».

Тактический срез энергетической политики Запада

Актуализация проблематики энергоснабжения произошла в западных государствах в 1970-х годах. В контексте мировых нефтяных кризисов стало ясно, что дефицит углеродных энергоносителей и чрезмерный рост их стоимости, в том числе по политическим причинам, вполне могут материализовываться, бросая вызов не только экономической, но и политической стабильности западных обществ [Скороходова 2013; 2015]. С тех пор на тактическом уровне страны Запада выстраивают свою энергетическую политику либо в оборонительном, либо наступательном ключе. Более того, их тактические действия встроены в текущую, опирающуюся на углеродное топливо модель мирового энергопотребления и не предполагают её слом.

Оборонительная тактика Запада

В ходе первого мирового нефтяного кризиса 1973–1974 годов арабские страны-участницы ОПЕК ввели эмбарго на поставку нефти «странам-пособникам» Израиля в Октябрьской войне, известной также как Война Судного дня (США, Великобритания, Нидерланды и др.). Кроме того, они стали снижать добычу нефти на 5% ежемесячно с целью добиться от Тель-Авива возврата захваченных арабских земель [Yergin 2008: 570–595]. В ответ на эти действия западные государства приняли комплекс мер защитного характера. В ноябре 1974 года — в немалой степени

благодаря усилиям государственного секретаря США Генри Киссинджера — они учредили в рамках ОЭСР Международное энергетическое агентство (МЭА) и договорились о создании стратегических нефтяных резервов, подлежащих перераспределению в случае энергетических кризисов.

Страны Запада стали обмениваться информацией и координировать действия в энергетической сфере. Они поставили целью диверсифицировать источники и маршруты поставок углеводородов, найти доступную им альтернативу (например, в виде атомной и возобновляемой энергии), повысить энергоэффективность и энергосбережение [Скореходова 2013].

С оборонительной точки зрения можно смотреть на идейную приверженность Соединённых Штатов и других стран Запада принципам свободной торговли в мировой экономике и энергетике. В частности, речь идёт об их неприятии монополизации рынка энергоносителей и одностороннего (по примеру практики ОПЕК) регулирования цен на нефть и газ. В этой связи в 1980-х годах они сделали ставку на биржевую торговлю нефтью (позже другими энергоносителями), а после первых мировых нефтяных кризисов 1970-х годов стали стимулировать мировое предложение нефти во избежание дефицита и высоких цен, от которых могли серьёзно пострадать потребители западных стран [Yergin 2008].

Наибольшего и беспрецедентного размаха защитная тактика в области энергоснабжения достигла в практике Европейского Союза. В 2009 году — в целях недопущения монополизации внутреннего газового рынка ЕС внешними поставщиками (прежде всего российской компанией «Газпром») — объединение приняло газовую директиву в рамках так называемого Третьего энергетического пакета. В ней содержался запрет на использование маги-

стральных газопроводов, функционирующих на территории ЕС, одним производителем. Более того, документ гарантировал недискриминационный доступ к ним любой третьей стороне. Директива предписала всем вертикально интегрированным компаниям, поставляющим газ европейским потребителям, отделить транспортные активы, которыми они владели в странах ЕС, а также провозгласила главным приоритетом ЕС биржевую торговлю газом [Боровский, Шишкина 2021]²⁵.

С точки зрения ТМО защитные действия стран Запада в большей мере укладываются в реалистскую логику оборонительного толка. Не случайно у истоков западной системы совместной энергетической безопасности, в центре которой находится МЭА, стоял Г. Киссинджер — один из наиболее известных и уважаемых реалистов-прагматиков [Киссинджер 2018]. При таком подходе США и их союзники не меняют сложившийся и во многом невыгодный им статус-кво в сфере энергоснабжения, но пытаются добиться того, чтобы уязвимости, с которыми они сталкиваются, в первую очередь в форме эмбарго на поставки нефти и газа, шантажа и других политизированных действий экспортёров, были нивелированы.

Между тем осенью 1973 г. нефтяное эмбарго, на которое пошли арабские страны-участницы ОПЕК, поставило Соединённые Штаты на грань применения силы. В депеше, поступившей премьер-министру Великобритании из Вашингтона в октябре 1973 года, говорилось о рассматриваемой возможности захвата нефтесодержащих областей на Ближнем Востоке. «США могут посчитать недопустимой ситуацией, при которой они и их союзники зависят от милости маленькой группы неразумных стран», — гласил документ²⁶. В итоге США не пошли по силовому пути.

²⁵ Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC (Text with EEA relevance). [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0073&from=EN> (accessed: 12.11.2022).

²⁶ Цит. по: Luft G., Korin A. Energy Security: In the Eyes of the Beholder/Energy Security Challenges for the 21st Century: ed. G. Luft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 8.

Возникшее у западных стран желание наладить многостороннее взаимодействие в рамках МЭА может соответствовать как реалистской, так и либеральной концепции. В первом случае допускается многостороннее, в том числе институализированное, объединение государств при возникновении общей угрозы [Luft, Korin 2009]. Такая угроза в лице арабских стран ОПЕК появилась в 1973 году.

Либерализм в принципе выступает за коллективное, институализированное решение проблем безопасности, в том числе в сфере энергетики. О либеральном подходе можно также говорить применительно к усилиям Брюсселя и государств-членов ЕС, направленных на предотвращение монополизации внутреннего рынка интеграционного объединения со стороны внешних игроков. Он также объясняет приверженность стран Запада принципам свободной торговли в сфере энергетики, их борьбу с монополизацией энергетических рынков и нерыночным регулированием цен на углеводороды [Luft, Korin 2009].

Учитывая, что конструктивизм делает акцент на восприятии конкретной ситуации конкретными группами, можно допустить, что защитная тактика западных государств в сфере энергоснабжения стала результатом успешной секьюритизации, или осознания элитами и населением стран Запада того факта, что их зависимость от импорта углеродных энергоносителей представляет серьёзную политическую и экономическую угрозу [Crowley-Vigneau et al. 2022]. На уровне ЕС (ранее ЕЭС) факт успешной секьюритизации проблем энергоснабжения был отражён в научной публикации [Боровский, Шишкина 2021]. В ней выделяется две волны секьюритизации энергоснабжения в ЕЭС/ЕС. Первая охватила 1970–1990-е годы, вторая – 2000–2010-е годы, которые оформились под воз-

действием ряда триггеров. В первом случае ими стали нефтяное эмбарго арабских стран ОПЕК и в целом мировой нефтяной кризис 1973–1974 годов, несколько позже – очередной мировой нефтяной кризис 1979–1980 годов, случившийся из-за Исламской революции в Иране. Во втором случае триггерами послужили российско-украинские газовые споры 2006 и 2009 года, а также резкое ухудшение российско-украинских отношений с 2014 года.

Наступательная тактика Запада

Распад СССР и Восточного блока в 1991 г. создал условия для глобального доминирования Запада во главе с Вашингтоном. В таких условиях США и их союзники могли позволить себе действовать более решительно и наступательно, в том числе в области энергоснабжения. В 1990-е годы мировому рынку нефти были свойственны изобильное предложение и относительно низкие цены. В начале XXI века в мире, напротив, наметился тренд на дефицит и удорожание углеводородов, что могло подвигнуть страны Запада, не располагающие достаточными запасами нефти и газа, к более решительным действиям. «Первой ласточкой» стало военное вторжение Соединённых Штатов и Великобритании в Ирак в 2003 году.

На протяжении этого года США добывали всего 7,4 млн баррелей нефти в сутки, а потребляли 19,9 млн. Страна обеспечивала себя лишь на 37%, неся расходы в десятки миллиардов долларов (свыше 120 млрд в ценах 2003 года), которые шли на импорт жидких углеводородов²⁷. Запасы конвенциональной нефти²⁸ в американской экономике неумолимо сокращались, а о «сланцевой революции», совершенно неожиданно случившейся в конце 2000-х годов, в американском истеблишменте в начале века даже не помышляли [Yergin 2020: 14–31].

²⁷ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²⁸ Конвенциональная нефть – нефть, залегающая в традиционных, более доступных пластах. К неконвенциональной нефти относится нефть, находящаяся в сланцевых породах и других низкопроницаемых (труднодоступных) коллекторах.

В таком контексте контроль над Ираком, который по состоянию на конец 2002 г. располагал вторыми по величине доказанными запасами нефти (10,7% от общемирового объёма)²⁹, мог казаться Вашингтону и Лондону самой желанной целью³⁰. Масштабная разработка иракских месторождений не только сулила бесперебойное снабжение нефтью западного мира в долгосрочной перспективе, но и давала в руки США и их союзников мощный инструмент по воздействию на мировые нефтяные цены, в том числе с целью либеральной трансформации экспортирующих нефть стран Ближнего Востока и других регионов [Голунов 2021].

Свержение американо-британскими войсками режима Саддама Хусейна в 2003 г. и последующие попытки западных корпораций (Halliburton, ExxonMobil, Chevron, BP, и др.)³¹ обосноваться в Ираке и радикально увеличить там добычу нефти в наибольшей мере коррелируют с наступательным реализмом, неоконсерватизмом и либеральным интервенционизмом. Таким образом, налицо попытка Вашингтона и Лондона, главных инициаторов этой силовой акции, покончить с нелиберальным режимом, устранить критическую зависимость Запада от импорта углеводородов, а также за счёт контроля над иракской ресурсной базой получить рычаги влияния на другие нелиберальные режимы, зависящие от экспорта нефти и газа [Klage 2005; Боровский 2008].

Вторжение США и Великобритании в Ирак в 2003 г. может также трактоваться в неомарксистской логике – в свете стремления западных государств, формирующих мировой центр, получить беспрепятственный доступ к огромным и недорогим углеводородам периферийной страны. Западный (либеральный) капитализм, видимо,

не хотел мириться с ситуацией, при которой нехватка и высокая стоимость нефти сильно сдерживала и даже дестабилизировала его поступательное развитие, что укладывается в логику неомарксизма [Amin 2014; Ghosh 2021].

После окончания «холодной войны» односторонние энергетические санкции стали основным внешнеполитическим инструментом западных государств, хотя к желаемым результатам они не приводили, а зачастую негативно сказывались на самих их инициаторах [Vaganova 2022]. В итоге наблюдалась как переоценка собственных сил и возможностей, так и определённая иррациональность. Тем не менее «коллективный Запад» упорно следовал заданной политической линии, что указывает на существование целей, к которым он готов стремиться вопреки порой весьма чувствительным издержкам.

В наибольшей степени западные энергетические санкции применялись в отношении Ирана, Венесуэлы и России. Вероятно, неудачный иракский опыт в немалой степени отрезвил «коллективный Запад» относительно прямой военной интервенции против Ирана и Венесуэлы, которым оказывали поддержку Китай и Россия. Для последней сценарий иностранной интервенции был исключён в силу обладания ею ядерным оружием.

Ещё в 1987 г. Вашингтон запретил импорт товаров из Ирана, включая и нефть. В 1995 г. США ввели запрет на американские инвестиции в Исламскую Республику Иран (ИРИ), в том числе в нефтяной сектор, а также на экспорт любых американских товаров в ИРИ. В 1996 г. Соединённые Штаты ввели санкции для всех компаний, инвестирующих в иранскую нефтяную промышленность свыше 20 млн долларов. В первой половине 2010-х годов американ-

²⁹ BP Statistical Review of World Energy. June 2003. [Электронный ресурс] URL: http://mazamasience.com/OilExport/BP_2003.xls (accessed: 11.11.2022).

³⁰ Ahmed N. Iraq invasion was about oil. [Электронный ресурс] // The Guardian. 2014. 20 March. URL: <https://www.theguardian.com/environment/earth-insight/2014/mar/20/iraq-war-oil-resources-energy-peak-scarcity-economy> (accessed: 12.11.2022).

³¹ Why the war in Iraq was fought for Big Oil // CNN. 2013. 15 April. URL: <https://edition.cnn.com/2013/03/19/opinion/iraq-war-oil-juhasz/index.html> (accessed: 10.05.2023).

ские санкции стали налагаться на всех, кто продавал Ирану бензин и содействовал этой стране в производстве бензина. Ограничения распространялись и на тех, кто участвовал как в крупных сделках с иранской нефтью, так и проектах на территории ИРИ по строительству нефтяных танкеров. Официальным поводом для применения таких мер служили реализация Тегераном ядерной программы, финансирование им террористических организаций (Хезболла и др.), нарушение иранскими властями прав человека [Golmohammadi, Imani 2016].

После того как участники группы «5+1» (Россия, КНР, США, Франция, Великобритания, Германия) подписали с Ираном Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) в 2015 году, администрация Барака Обамы пошла на послабление санкционного режима в отношении ИРИ, в том числе в энергетическом секторе. Тем не менее в мае 2018 г. следующий американский президент Дональд Трамп объявил о выходе Соединённых Штатов из СВПД, и в ноябре того же года американские энергетические санкции были восстановлены в полном объёме [Мамедова 2021]³². Намерение Джозефа Байдена, сменившего Д. Трампа в Белом доме в 2021 году, вернуть США в ядерную сделку с ИРИ³³, в последующие годы не материализовалось на практике.

Реагируя на прогресс ядерной программы Ирана, в 2000-х — первой половине 2010-х годов Европейский Союз тоже ввёл односторонние энергетические санкции в отношении Тегерана. Они касались запрета на импорт в ЕС иранской нефти, природного газа, продуктов нефтепереработки и нефтехимии. Помимо этого,

запрещалось продавать или поставлять в Иран оборудование, используемое в энергетическом секторе. В ответ на подписание в 2014 г. сначала временного соглашения по иранской ядерной программе, а потом — СВПД в 2015 г. ЕС приостановил действие своих энергетических санкций³⁴. Тем не менее решение Вашингтона восстановить американские энергетические санкции в отношении Ирана в 2018 г. стало серьёзным сдерживающим фактором для европейских компаний, готовых сотрудничать с ИРИ в энергетической сфере.

С односторонними энергетическими санкциями западных государств *Венесуэла* впервые столкнулась в 2007 году. Они были спровоцированы решением президента страны Уго Чавеса национализировать филиалы западных нефтяных компаний (американских *ExxonMobil*, *Chevron* и *ConocoPhillips*, британской *BP*, французской *Total* и норвежской *Statoil*), успешно работавших в нефтяном секторе Венесуэлы. В качестве наказания Вашингтон запретил экспортировать в Боливарианскую Республику современные технологии, необходимые для ведения добычи нефти. Таким образом США попытались помешать Каракасу модернизировать нефтяное оборудование и увеличивать добычу.

Более мощный удар по венесуэльской нефтяной промышленности был нанесён странами Запада в 2018 г. после очередных президентских выборов, прошедших в стране [Семёнов 2022]. Согласно официальным данным, победу на них одержал действующий глава государства Николас Мадуро, но США и другие западные страны с этим не согласились и ввели запрет на

³² Factbox: The ebb and flow of sanctions on Iranian oil. [Электронный ресурс] // Reuters. 2021. 22 April. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/ebb-flow-sanctions-iranian-oil-2021-04-22/> (accessed: 05.11.2022).

³³ Байден заявил о намерении вернуть США в ядерную сделку с Ираном // Ведомости. 2020. 2 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/12/02/849113-baiden-zayavil-o-namerenii-vernut-ssha-v-yadernuyu-sdelku-s-iranom> (дата обращения: 11.05.2023).

³⁴ EU restrictive measures against Iran. [Электронный ресурс] // Official website of the Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/iran/> (accessed: 05.11.2022).

ведение бизнеса с *Petroleos de Venezuela (PdVSA)* — государственной нефтяной компанией, через которую проводились все топливные сделки латиноамериканской страны. В силу такого решения Венесуэла фактически лишилась возможности напрямую продавать нефть на мировых рынках³⁵. Кроме того, Вашингтон заблокировал американские активы *PDVSA* в США на 7 млрд долларов³⁶.

К односторонним энергетическим санкциям против *России* Запад стал прибегать с 2014 года, реагируя таким образом на действия Москвы в контексте конфликта на Украине [Сидорова 2016; Vaganova 2022]. В 2022 году — в связи с началом СВО — западное санкционное давление на российский ТЭК усилилось, достигнув беспрецедентных масштабов. В итоге с 2014 г. Соединённые Штаты, государства-члены ЕС и их союзники ввели запреты на экспорт в Российскую Федерацию передовых нефтегазовых технологий и новые инвестиции в российскую энергетику; перекрыли или ограничили каналы финансирования российского ТЭК со стороны западных банков; создали условия, существенно затрудняющие, если не блокирующие, реализацию российских нефтегазо-экспортных проектов («Северный поток-2», «Турецкий поток» и др.); предприняли репрессивные действия в отношении ведущих энергетических компаний России и их руководителей. Апогеем санкционного давления стал полный или частичный отказ западных стран от импорта российских нефти, газа и угля; уход западных корпораций с российского энергетическо-

го рынка или ограничение их деятельности на нём; усилия «коллективного Запада» по введению потолка цен при покупке российских нефти, нефтепродуктов и газа, а также давление Вашингтона на Индию, КНР и другие незападные страны с тем, чтобы они отказались от импорта российских углеродных энергоносителей³⁷.

Если совокупно посмотреть на энергетические санкции Запада в отношении Ирана, Венесуэлы и России, можно прийти к выводу, что они главным образом вводились по политическим причинам (единственное исключение — национализация венесуэльскими властями активов западных нефтяных компаний в 2007 году) и к тому же могли причинять существенный ущерб энергетическим и экономическим интересам самих западных государств, провоцируя дефицит и рост цен на углеводороды. Значит, Запад не отделяет энергетику от политического контекста и, следовательно, мыслит и действует в рамках реалистской парадигмы наступательного направления, демонстрируя готовность идти на жертвы в энергетической и экономической областях ради политических целей. СВО, начавшаяся в феврале 2022 года, окончательно вывела на первый план политические мотивы западных стран в процессе принятия решений в области энергетики, доказав также несостоятельность либеральных экономических стимулов [Crowley-Vigneau et al. 2022].

Вместе с тем в глазах Запада Иран, Венесуэла и Россия — недемократические режимы, благосостояние и геополитическая мощь которых в большой степени

³⁵ Нефтяное проклятие. США лишили Венесуэлу доходов от крупнейших запасов нефти в мире. Как страна выживает под санкциями? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2022. 24 июня. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/24/venezuela/> (дата обращения: 09.11.2022).

³⁶ США ввели санкции против венесуэльской *PDVSA*. [Электронный ресурс] // Gazeta.ru. 2019. 28 января. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/01/28/n_12571573.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&updated (дата обращения: 09.11.2022).

³⁷ См., в частности: Fact sheet: United States bans imports of Russian oil, liquefied natural gas, and coal. The White House. March 08, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/08/fact-sheet-united-states-bans-imports-of-russian-oil-liquefied-natural-gas-and-coal/>; EU sanctions against Russia explained. [Электронный ресурс] // Official website of the Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (accessed: 05.09.2022).

зависят от экспорта углеродных энергоносителей. В таком контексте введение западных санкций против иранского, венесуэльского и российского ТЭК вполне укладывается в либерально-интервенционистскую или неоконсервативную концепции, то есть может трактоваться в качестве попытки США и их союзников нанести удар по энергетике трёх рассматриваемых стран под любым предлогом и тем самым добиться в них либеральных преобразований.

Энергетические санкции Запада в отношении этих трёх стран и других богатых углеводородами незападных игроков могут одновременно трактоваться в неомарксистском ключе. Не случайно в научной литературе подобное санкционное давление Запада зачастую рассматривается через призму борьбы за глобальное лидерство между «евро-атлантическими либерально-демократическими государствами» и набирающими силу странами незападного мира [Телегина, Халова, Иллерицкий 2018].

Показательно также, что администрация Д. Трампа, при которой Иран, Венесуэла и Россия столкнулись с ужесточением энергетических санкций, заявила в Стратегии национальной безопасности США о намерении добиться американского энергетического доминирования³⁸. Администрация Дж. Байдена, хотя и не делала столь амбициозных заявлений, на практике пыталась следовать курсу Д. Трампа, что, в частности, выражалось в политическом давлении на нефтегазовых экспортёров Ближнего Востока (правда, не возымевшем успеха)³⁹,

а также в усилиях Вашингтона по вытеснению российских энергоносителей с европейского и глобальных рынков. Подобные действия вполне могут рассматриваться в неомарксистском ключе.

Энергетические санкции Запада против Ирана, Венесуэлы и России аналогичным образом могут находить объяснения в конструктивистской концепции, предлагающей исследовать социальный процесс, в котором принимаются решения (в том числе по энергетическим санкциям) с акцентом на восприятии и поведении отдельных групп или лиц. Тем не менее главная ценность конструктивистского подхода заключается в выявлении иррациональных, девиантных шагов тех или иных стран. Если таковых нет, конструктивизм способен лишь подтвердить или опровергнуть приверженность господствующих групп или лиц к некой теоретической концепции, основанной на рациональном подходе.

Подрыв ниток газопроводов «Северный поток-1, 2», случившийся в сентябре 2022 года, стал ещё одним важнейшим примером энергетического противостояния «коллективного Запада» и России. Если допустить, что за этой диверсией стоят западные страны⁴⁰, на чём настаивает российская сторона, включая президента В.В. Путина⁴¹, вновь будет подтверждён тезис о том, что оппоненты России на Западе больше движимы политическими мотивами — в трактовке наступательного реализма, либерального интервенционизма или неоконсерватизма. Несмотря на явную экономическую выгоду США, их

³⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 11.11.2022).

³⁹ Саудовская Аравия обманула Байдена с секретной сделкой, пишет NYT. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2022. 26 октября. URL: <https://ria.ru/20221026/ssh-1826932857.html> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴⁰ Известный американский журналист Сеймур Херш обвинил власти США в подрыве «Северных потоков» // Коммерсант. 2023. 8 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5812416> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴¹ Путин обвинил «англосаксов» во взрывах на «Северных потоках». [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 30 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/6336e4559a7947ec9f11d995> (дата обращения: 10.11.2022).

газоэкспортные компании не могут в короткие сроки заменить российский трубопроводный газ на европейском рынке (174 млрд куб. м в 2021 году)⁴². К началу 2023 г. американские мощности по экспорту СПГ должны были увеличиться до 128 млрд куб. м (до почти 150 млрд куб. м в 2025 г.)⁴³, причём значительные потоки газа из этого объёма будут идти на азиатский рынок в соответствии с заключёнными контрактами.

Таким образом, в тактическом плане энергетическая политика Запада может видаться как оборонительной, так и наступательной. При этом оборонительные устремления западных стран могут находить объяснения в реалистской, либеральной и конструктивистской концепциях. Наступательные — в реалистских, либеральных и конструктивистских, а также неомарксистских взглядах.

Изменение «правил игры» в энергетике — стратегический вектор Запада

Если тактически страны Запада могут придерживаться либо наступательной, либо оборонительной линии поведения, то в стратегическом плане они явно нацелены на энергетическую независимость. Вместе с тем достичь её при неизменно скудных (за исключением США, Канады и Норвегии) нефтегазовых запасах можно только одним путём — совершить четвёртый энергопереход [Crowley-Vigneau et al. 2022]. По совпадению или нет, движение стран Запада в этом направлении началось в 1970-х годах, когда на международной повестке дня — с подачи их представителей — появилась проблематика устойчивого раз-

вития и изменения климата [Meadows et al. 1972; Sawyer 1972]⁴⁴.

В её основе лежал отказ от ископаемого углеродного топлива и переход на чистую возобновляемую энергию. Впоследствии западные игроки, в первую очередь США и ЕС, больше других лоббировали подписание Киотского протокола и Парижского соглашения по климату. Более того, декарбонизация благодаря Западу стала с начала 2020-х годов центральной темой в глобальном политическом дискурсе [Crowley-Vigneau et al. 2022].

Сланцевая революция, превратившая Соединённые Штаты в ведущих экспортёров нефти и газа, оказалась неожиданностью для Вашингтона и, по идее, могла побудить американский истеблишмент придать забвению четвёртый энергопереход. Тем не менее, несмотря на упорное сопротивление сторонников традиционной энергетики, включая 45-го президента США Д. Трампа, ориентация США на декарбонизацию энергетики и экономики сохранилась.

Ярким свидетельством выступает политика 46-го президента США Дж. Байдена, который пошёл даже на провозглашение борьбы с климатическим кризисом. Соответственно, он объявил энергопереход задачей национальной безопасности страны. К тому же американский лидер призвал прислушиваться к научным и экспертным оценкам, касающимся климатических изменений⁴⁵.

Многие американские «мозговые центры» (*Center for American Progress, Center for Strategic and International Studies, Center for Climate and Security, Center for a New Ame-*

⁴² ПАО «Газпром». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴³ IGU World LNG report. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.igu.org/resources/world-lng-report-2022/> (accessed: 10.11.2022).

⁴⁴ В июне 1972 года (то есть ещё до первого мирового нефтяного кризиса) в Стокгольме состоялась Конференция ООН по проблемам окружающей среды, на которой вопрос о связи между экстенсивным, ресурсоёмким экономическим развитием и ухудшением состояния окружающей среды был впервые включён в международную повестку дня.

⁴⁵ U.S. President's Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad: published January 27, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/> (accessed: 06.09.2022).

rican Security и др.)⁴⁶ и СМИ⁴⁷ дают алармистские прогнозы относительно влияния глобального потепления на мир и в особенности на США (засуха, дефицит пресной воды, деградация сельского хозяйства, продовольственный кризис, затопление прибрежных территорий, климатическая миграция, стихийные бедствия). Кроме того, американский истеблишмент уверен, что «изменение климата является важнейшим компонентом соперничества Соединённых Штатов с Китаем и Россией»⁴⁸. Примечательно, что Россия, по мнению американских стратегов, может сильно выиграть от глобального потепления (таяние вечной мерзлоты и расширение пахотных земель, рост урожайности растительных культур, изобилие пресной воды, приток мигрантов, освоение Арктики и использование Северного морского пути)⁴⁹.

В декабре 2019 г. Европейская комиссия провозгласила «Европейский зелёный курс», в котором излагалось алармистское восприятие изменения климата и деградации окружающей среды. В нём страны ЕС и весь мир призывались к активным действиям⁵⁰.

Стратегическая линия стран Запада на четвёртый энергопереход или опору на собственные возобновляемые и иные альтернативные низкоуглеродные источники

энергии находит объяснение сразу в нескольких теоретических концепциях. *Во-первых*, с точки зрения политического реализма главная цель любого государства — энергетическая независимость или суверенитет [Schelly et al. 2020]. Только с таким статусом оно может быть относительно автономным игроком на международной арене, способным противостоять политическим оппонентам в лице ведущих экспортеров углеводородов (Россия, Иран, Венесуэла) без оглядки на их болезненные ответные меры [Luft, Korin, Gupta 2011; Голунов 2021]. В ряде исследований на примере проекта «Северный поток-2» и не только указывается на политизацию энергетической политики ЕС и отход интеграционного объединения от преимущественно либерального, рыночно ориентированного курса [Siddi, Kustova 2021; Crowley-Vigneau et al. 2022].

Другое убедительное объяснение усилий Запада по переходу с углеродных на неуглеродные источники энергии может быть найдено в неомарксистской школе. История показывает, что в результате волны национализаций в нефтегазоносных странах «третьего мира», начавшейся в 1950-х годах и продолжившейся в последующие десятилетия [Yergin 2008], западные государства, составляющие ядро мир-системы, утратили контроль над нефтега-

⁴⁶ A Climate Security Plan for America. [Электронный ресурс] // The Center for Climate and Security. September, 2019. URL: https://climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2019/09/a-climate-security-plan-for-america-2019_9_24-1.pdf (accessed: 14.11.2022); Rickett S., Goldfuss C., Barnes A. The Biden Administration Brings State Climate Leadership to the White House. [Электронный ресурс] // Center for American Progress. January 19, 2021. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/green/reports/2021/01/19/494753/biden-administration-brings-stateclimate-leadership-white-house/> (accessed: 14.11.2022).

⁴⁷ Wallace-Wells D. Beyond Catastrophe. A New Climate Reality Is Coming Into View. [Электронный ресурс] // New York Times. 2022. October 26. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/10/26/magazine/climate-change-warming-world.html> (accessed: 14.11.2022).

⁴⁸ Vinci A. Biden's Intelligence Community Must Focus on Climate Crisis. [Электронный ресурс] // Breaking Defense. December 15, 2020. URL: <https://breakingdefense.com/2020/12/bidens-intelligence-community-must-focus-on-climatecrisis/> (accessed: 14.11.2021).

⁴⁹ Lustgarten A. How Russia Wins the Climate Crisis. [Электронный ресурс] // New York Times. December 16, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/12/16/magazine/russia-climate-migration-crisis.html> (accessed: 14.11.2022).

⁵⁰ The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council of December 11, 2019. COM (2019). Brussels. [Электронный ресурс] // European Commission. December 11, 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/european-greendeal-communication_en.pdf (accessed: 14.11.2022).

зовыми запасами периферии. Мировые нефтяные кризисы 1970-х годов и последующих десятилетий показали, что эра дешёвых углеводородов осталась в прошлом.

В XXI столетии – в силу процессов виртуализации и финансиализации⁵¹ мировые цены на нефть и газ стали угрожающе волатильными. В таких условиях классический алгоритм, при котором центр опирается на дешёвые энергоресурсы периферии, перестал работать. Как следствие, страны Запада и стоящие за ними капиталистические силы вполне могли поставить цель перестроить существующие правила игры, сделав так, чтобы мировая система энергоснабжения опиралась в большей степени на источники энергии, которые им более доступны.

Эта формула также позволяет перенаправить финансовые потоки из углеродной энергетики в возобновляемую, что выгодно западному капиталу. Подобные шаги фактически направлены на восстановление монополии западных стран в сфере энергоснабжения⁵² за счёт их контроля технологий, необходимых для выработки новой неуглеродной энергии [Борисов 2020]. Осознавая эти намерения, полупериферийные КНР и Россия стали прилагать усилия для недопущения получения Западом монополии в области новой энергетики.

В этом смысле впечатляющие успехи КНР в области возобновляемой энергетики как с точки зрения технологий, так и темпов внедрения и экспорта комплектую-

щих могут обескураживать западные страны. Китай уже стал крупнейшим производителем солнечной и ветряной энергии в мире. Соответственно, по состоянию на 2021 г. доля Китая составляла 32 и 35%. Для сравнения: у идущих на втором месте США – 16 и 21%⁵³.

Пекин также захватил ключевые позиции в мировом производстве оборудования для ВИЭ, которое среди прочего активно поставляется в западные государства. Например, в мировом производстве солнечных панелей КНР контролирует по меньшей мере 75% каждого ключевого этапа производства, а также располагает 84% производственных мощностей. Для сравнения: у Европы и стран Северной Америки – меньше 8%⁵⁴.

Реализм и неомарксизм может рассматривать экологическую и климатическую проблематику в качестве удобного предложения Запада для осуществления четвёртого энергоперехода. Вместе с тем существует риск, что экологический и климатический кризисы Земли действительно произойдут. Различные группы по всему миру их секьюритизируют, что подтверждается в конструктивистских исследованиях [Боровский, Шишкина 2022]. Весьма примечательно, что в Стратегии национальной безопасности США от 2022 г. было сначала отмечено, что «климатический кризис – это экзистенциальный вызов нашего времени», затем сказано, что «такие события, как агрессивная война России против Украины, ясно показали настоящую

⁵¹ Процесс виртуализации заключается в подмене реального положения дел на рынках нефти и газа (спрос и предложение, ситуация в ключевых регионах и странах добычи, др.) виртуальным или искусственным главным образом за счёт информационных ресурсов. Процесс финансиализации подразумевает под собой превращение нефти и газа преимущественно в финансовые инструменты, в объекты для спекулятивной биржевой торговли с использованием различных деривативов (фьючерсы, опционы, др.), что, помимо прочего, может приводить к высокой ценовой волатильности.

⁵² С середины 1940-х до 1970-х годов в мировой нефтяной индустрии доминировали семь западных корпораций, часто называемых «мейджорами» или «семью сестрами»: *British Petroleum, Exxon, Gulf Oil, Mobil, Shell, Chevron* и *Texaco*.

⁵³ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

⁵⁴ Conte M. Visualizing China's Dominance in the Solar Panel Supply Chain. [Электронный ресурс] // Visual Capitalist. 2022. 30 August. URL: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-chinas-dominance-in-the-solar-panel-supply-chain/> (accessed: 14.11.2022).

необходимость ускорить переход от ископаемого топлива»⁵⁵.

Конструктивистский подход предполагает изучение конкретных групп. Интервьюирование экспертов в западноевропейских странах, проведённое после начала военного противостояния России и Украины в феврале 2022 года, показало, что «зелёный» энергопереход ЕС мотивирован одновременно политическими и экологическими соображениями. В центре целеполагания Западной Европы находится проблема энергетической независимости, в то время как экономическая взаимозависимость, на которую в немалой степени опирается либеральная теория, всё чаще подвергается сомнению [Crowley-Vigneau et al. 2022].

* * *

Отвечая на вопрос, чем движим Запад в своей энергетической политике, мы можем сделать следующие выводы. С утилитарной точки зрения западные государства, взятые воедино, критически зависимы от импорта углеводородов. Во избежание серьёзных политических, экономических и социальных последствий они должны быть движимы естественной целью — сгладить или в принципе изменить подобное положение дел.

В тактическом плане энергетическая политика западных стран носит либо оборонительный, либо наступательный характер. На стратегическом уровне она нацелена на энергопереход и формирование новой системы мирового энергоснабжения без определяющей роли углеродного топлива. С точки зрения ТМО тактическая и стратегическая линии в энергетической политике объединённого Запада, включая

санкционные инструменты, в наибольшей степени вписывается в реалистскую концепцию. В рамках последней энергетика рассматривается сквозь призму политической силы или слабости государств.

Конструктивизм, в свою очередь, не способен выявлять объективные закономерности энергетической политики западных государств. Он лишь фиксирует сложившийся статус-кво в определённых социальных группах, тогда как базовые императивы либерального подхода оказывают на неё заметное влияние, но далеко не определяющее. Эти тенденции стали особенно заметными, когда в 2022 г. Запад решил установить потолок цен для закупок российской нефти, нефтепродуктов и газа, что идет вразрез со всей либеральной экономической логикой. Вместе с тем в концепциях либерального интервенционизма и неоконсерватизма постулируется, что объектом деструктивных действий США и их западных союзников могут быть ТЭК стран, причисляемых ими к авторитарным и подлежащих либеральной трансформации.

Ещё одной теоретической точкой опоры в поиске мотивов в энергетической политике западных государств может быть неомарксизм. В рамках этого течения любые тактические и стратегические действия объединённого Запада трактуются в плоскости неравных отношений стран центра и периферии, борьбы за монополии капиталистических сил.

В целом у исследователя при анализе энергетической политики Запада и её мотивов есть выбор: остаться в рамках утилитарного видения или опереться на один или несколько теоретических подходов.

Список литературы

- Борисов М.Г. Энергетический переход и геополитика // Восточная аналитика. 2020. №1. С. 7–16.
Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). С. 19–28.
Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. №3. С. 57–81.

⁵⁵ The National Security Strategy of the United States of America. October 2022. P. 27–28. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 16.11.2021).

- Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Энергетическая политика ЕС и её движущие силы // Полис. Политические исследования. 2022. №3. С. 67–79.
- Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №1. С. 20–32.
- Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики: опыт России и США // Международные процессы. 2021. № 1 (64). С. 56–73.
- Гулиев И.А., Соловова Ю.В. Энергетический переход: понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. №10–2. С. 98–105.
- Дробот Г.А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 61–83.
- Касем М. Энергетическая безопасность Европы: противоборство США и России // Politbook. 2017. №2. С. 147–159.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с.
- Лебедев Е.П. Феномен энергетической дипломатии с позиции ведущих школ теории международных отношений // Инновации. Наука. Образование. 2021. №42. С. 1035–1041.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Эксмо-Пресс, 2022. 192 с.
- Мамедова Н.М. Иран в условиях американских санкций и коронавируса // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 185–198.
- Муслимов Р.Х. К чему приведёт предлагаемая Западом «климатическая повестка» по декарбонизации и глобальному энергопереходу // Бурение и нефть. 2022. №1. С. 18–25.
- Подоба З.С., Лаврова А.В. Сланцевая революция в США и её влияние на международные торговые потоки нефти и газа // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. №2. С. 3–32.
- Подоба З.С. Энергетическая стратегия и переход к зеленой энергетике в Японии // Японские исследования. 2021. № 1. С. 6–24.
- Райнхардт Р.О., Проничкин С.В. Реалистская парадигма энергетической дипломатии в российской научной традиции и её практическая применимость // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 94–109.
- Семёнов В.Л. Влияние санкций США на экономику Венесуэлы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 53–66.
- Сидорова Е.А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. №1 (44). С. 143–155.
- Скороходова О.Н. Европа и энергетический кризис 1979–1980-х годов: поучительные уроки // Современная Европа. 2015. №1 (16). С. 104–115.
- Скороходова О.Н. США и Западная Европа в условиях нефтяного кризиса 1973–1974 гг. // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 37–53.
- Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В. Вопросы энергетической безопасности во внешней политике США и ЕС: сравнительный анализ // Международные отношения. 2022. №1. С. 75–89.
- Сушенцов А.А. Внешнеполитические платформы Республиканской партии США: изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы // Тетради по консерватизму. 2016. №1. С. 47–55.
- Телегина Е.А., Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Топливо-энергетический комплекс Исламской Республики Иран. Перспективы энергетического сотрудничества Ирана с Россией // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 91–97.
- Трачук К.В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4(31). С. 219–226.
- Хлопов О.А. Анализ подходов к изучению энергетической безопасности в политическом реализме // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. №5. С. 7–20.
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. 2019. №4. С. 36–48.
- Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society. London, New York: Zed books, 2014. 158 p.
- Amin S. Die Zukunft des Weltsystems. Hamburg: VSA, 1997. 152 p.
- Amin S. Imperialism and Unequal Development. New York: Monthly Review Press, 1977. 267 p.
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketencic N. What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives // Resources Policy. 2022. 17 November. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420722005712>
- Evans D. Western Energy Policy: The Case For Competition. Macmillan, 1978. 198 p.
- Ghosh J. Interpreting contemporary imperialism: lessons from Samir Amin // Review of African Political Economy. 2021. Vol. 48. No.167. P. 8–14.

- Golmohammadi V., Imani P.* The Legitimacy of Economic Sanctions against Islamic Republic of Iran in the Light of International Economic Law: Legal Effects and Economics Consequences // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 60–71.
- Grant S., Crim C.C., Jensen P.K.M.* Climatization: A critical perspective of framing disasters as climate change events // *Climate Risk Management*. 2015. Vol. 10. P. 27–34.
- Hardt M., Negri A.* *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 496 p.
- Harsem Ø., Claes D.H.* The interdependence of European–Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 59. P. 784–791.
- Heinrich A., Szulecki K.* “Energy Securitization: Applying the Copenhagen School’s Framework to Energy” in K. Szulecki, ed., *Energy Security in Europe. Divergent Perceptions and Policy Challenges*. Palgrave Macmillan, 2019. P. 33–61.
- Keohane R., Nye J.* *Power and interdependence*. London: Longman, 2000. 334 p.
- Klare M.* *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America’s Growing Dependency on Imported Petroleum*. Holt Paperbacks, 2005. 304 p.
- Lipsey D.* Liberal Interventionism // *The Political Quarterly*. 2016. Vol. 87. Iss. 3. P.415–423.
- Lobell S.E.* Structural realism. Offensive and defensive realism // *International studies encyclopedia*; ed. by R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001.
- Luft G., Korin A.* “Realism and Idealism in the Energy Security Debate” in G. Luft, A. Korin, eds., *Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook*. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 335–349.
- Mearsheimer J.J.* *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company, 2001. 592 p.
- Meadows D.L., Meadows D.H., Randers J., Behrens W.W.* *The Limits to Growth*. NY: Universe Books, 1972. 381 p.
- Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L.* Introduction: Making Liberal Internationalism Great Again // *International Journal*. 2019. Vol. 74. P. 5–14.
- Ozcan S.* Securitization of Energy through the Lenses of Copenhagen School // *West East Journal of Social Sciences*. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 57–72.
- Sawyer J.S.* Man-made Carbon Dioxide and the “Greenhouse” Effect // *Nature*. 1972. Vol. 239. P. 23–26.
- Shelly C., Bessette D.* et al. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? // *Solar Energy*. 2020. Vol. 205. P. 109–112.
- Shirae E., Zubok V.* *International Relations*. Oxford University Press, 2019. 464 p.
- Siddi V., Kustova I.* From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU’s approach to international energy governance // *Journal of European Public Policy*. 2021. No. 28 (7). P. 1076–1094.
- Smil V.* *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Oxford: Praeger, 2010. 178 p.
- Smil V.* *Energy and Civilization: A History*. Cambridge: MIT Press, 2017. 568 p.
- Vaganova O.V.* Russia and sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 4–11.
- Wallerstein I.* *World-systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press, 2004. 109 p.
- Yergin D.* *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. Penguin Press, 2020. 512 p.
- Yergin D.* *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power*. Free Press, 2008. 928 p.

WHAT DRIVES THE WEST IN ITS ENERGY POLICY?

YURY BOROVSKY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

In 2022, the countries united by the concept of “the West” imposed unprecedented energy sanctions on Russia, thereby reacting to Moscow’s special military operation in Ukraine launched in February. This article presents a comprehensive study aimed at identifying the essential motives of the “collective West’s” energy policy. The first part of the paper gives an utilitarian vision of the problem in question. The author

comes to the conclusion that, despite the U.S. shale revolution and the development of renewable energy sources, Western states, taken together, continue to depend heavily on oil and gas imports and, therefore, they are mostly driven in their energy policy by the need to neutralize the critical importance of hydrocarbons with a view to avoiding political and economic ramifications. The paper, in its second part, considers the Western energy policy at the tactical level where it can be either defensive or offensive as well as at the strategic level where the united West seeks mostly to effect energy transition. The article demonstrates that, from the perspective of international relations theory, the West's energy policy in its tactical and strategic dimensions fits most into the realist concept. Basic liberal imperatives define it as a relatively feeble one whereas constructivism is not able to identify its objective patterns. Additional theoretical footholds in understanding the West's motives in the field of energy supply are provided by the concepts of liberal interventionism and neoconservatism as well as by neo-Marxism. The latter sees the energy policy of the West through the prism of the struggle of states forming the "center", "periphery" and "semi-periphery" of the world.

Keywords:

Energy policy; USA; EU; theory of international relations; sanctions; energy crisis; Russia; Iran; Venezuela.

References

- Amin S. (2014) *Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society*. London, New York: Zed books. 158 p.
- Amin S. (1997) *Die Zukunft des Weltsystems* [The Future of the World System]. Hamburg: VSA. 152 p.
- Amin S. (1977) *Imperialism and Unequal Development*. NY: Monthly Review Press. 267 p.
- BorISOV M. G. (2020). Energeticheski Perekhod i Geopolitika [Energy Transition and Geopolitics]. *Vostochnaya analytica*. No.1. P. 7–16.
- Borovsky Yu.V. (2008) Politizatsiya Mirovoi Energetiki [Politicization of Global Energy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 1 (16). P. 19–28.
- Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. (2021). Sekuritizatsiya Energosnabzheniya v Ramkakh Evrosoyuzha [Securitization of Energy Supply Within the European Integration]. *Vestnik MIGMO Universiteta*. Vol. 14. No. 3. P. 57–81.
- Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. (2022). Energeticheskaya Politika ES i evo Dvizhushchie Sily [The EU energy policy and its driving forces]. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 67–79.
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketencic N. (2022) What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives. *Resources Policy*. 2022. 17 November. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420722005712>
- Drobot G. A. (2014). Marksizm v Teorii Mezhdunarodnykh Otnoshenii: Istoriya, Zarubezhnaya i Otechestvennaya Shkoly [Marxism in the Theory of International Relations: History, Foreign and Domestic Schools]. *Social and humanitarian knowledge magazine*. No. 6. P. 61–83.
- Evans D. (1978). *Western Energy Policy: The Case for Competition*. Macmillan. 198 p.
- Gaidaev O.S. (2021). Teoria Sekuritizatsii, ili Khorosho Zabytoe Staroe: K Voprosu o Teoretiko-filosofskikh Istokakh i Zarozhdenii Teorii [Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 21. No. 1. P. 20–32.
- Ghosh J. (2021). Interpreting Contemporary Imperialism: Lessons from Samir Amin. *Review of African Political Economy*. Vol. 48. No. 167. P. 8–14.
- Golmohammadi V., Imani P. (2016). The Legitimacy of Economic Sanctions Against Islamic Republic of Iran in the Light of International Economic Law: Legal Effects and Economics Consequences. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 60–71.
- Grant S., Crim C. C., Jensen P. K. M. (2015). Climatization: A critical perspective of framing disasters as climate change events. *Climate Risk Management*. Vol. 10. P. 27–34.
- Golunov S. V. (2021). Energeticheskie Rychagi Vneshnei Politiki: Opyt Rossii i SShA [The Energy Toolkit of Statecraft]. *International Trends*. No. 1 (64). P. 56–73.
- Guliev I. A., Solovova Yu. V. (2021). Energeticheskii Perekhod: Ponyatie i Istoricheskii Analiz. Osobennosti Tekushego Energeticheskogo Perekhoda [Energy Transition: Concept and Historical Analysis. Features of the Current Energy Transition]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. No. 10–2. P. 98–105.
- Hardt M., Negri A. (2000). *Empire*. Harvard University Press. 496 p.

- Harsem Ø., Claes D. H. (2013). The Interdependence of European–Russian Energy Relations. *Energy Policy*. Vol. 59. P. 784–791.
- Heinrich A., Szulecki K. (2019). Energy Securitization: Applying the Copenhagen School's Framework to Energy. In *Energy Security in Europe. Divergent Perceptions and Policy Challenges*. Palgrave Macmillan. P. 33–61.
- Kasem M. (2017). Energeticheskaya Bezopasnost Evropy: Protivoborstvo SShA i Rossii [The Energy Security of Europe: Clash Between the U.S. and Russia]. *Politbook*. No. 2. P. 147–159.
- Keohane R., Nye J. (2000). *Power and interdependence*. London: Longman. 334 p.
- Khlopov O.A. (2016). Analiz Podhodov k Izucheniyu Energeticheskoi Bezopasnosti v Politicheskom Realizme [Analysis of Approaches to Energy Security Studies in Political Realism]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5. P. 7–20.
- Kissinger G. (2018). *Diplomatia* [Diplomacy]. Moscow: AST. 896 p.
- Klare M. (2005). *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum*. Holt Paperbacks. 304 p.
- Lebedev E.L. (2021). Fenomen Energeticheskoi Diplomatii s Pozitsii Veduschikh Shkol Teorii Mezhdunarodnykh Otnoshenii [The Phenomenon of Energy Diplomacy from the Perspective of the Leading Schools of the Theory of International Relations]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. No. 42. P. 1035–1041.
- Lenin V. I. (2022). *Imperialism kak Vysshaya Stadiya Kapitalizma* [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. Moscow: Eksmo-Press. 192 p.
- Lipsey D. (2016). Liberal Interventionism. *The Political Quarterly*. Vol. 87. Iss. 3. P. 415–423.
- Lobell S.E. (2010). Structural realism. Offensive and defensive realism. In R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett., eds. *International studies encyclopedia*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001.
- Luft G., Korin A. (2009). Realism and Idealism in the Energy Security Debate. In G. Luft, A. Korin., eds. *Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook*. Santa Barbara: Praeger. P. 335–349.
- Mamedova N.M. (2021). Iran v Usloviakh Amerikanskikh Sanktsii i Koronavirusa [Iran amid Sanctions and Coronavirus]. *Svobodnaya mysl*. No. 2 (1686). P. 185–198.
- Meadows D. L., Meadows D., Randers J., Behrens W. W. (1972). *The Limits to Growth*. NY: Universe Books. 381 p.
- Mearsheimer J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company. 592 p.
- Muslimov R. Kh. (2022). K Chemu Privedet Predlagaemaya Zapadom "Klimaticheskaya Povestka" po Dekarbonizatsii i Globalnomu Energoperekhodu [What Will the West's 'Climate Agenda' on Decarbonization and Global Energy Transition Lead to?]. *Burenie i neft*. No. 1. P. 18–25.
- Ole J., Abrahamsen R., Andersen L. R. (2019). Introduction: Making Liberal Internationalism Great Again. *International Journal*. Vol. 74. P. 5–14.
- Ozcan S. (2013). Securitization of Energy Through the Lenses of Copenhagen School. *West East Journal of Social Sciences*. Vol. 2. No. 2. P. 57–72.
- Podoba Z.S., Lavrova A.V. (2021) Slantsevaya revolutsia v SShA i eyo vliyanie na mezhdunarodnye trgovyye potoki nefti i gaza [The shale revolution in the United States and its impact on international oil and gas trade flows]. *Moscow University Economic Bulletin*. No. 2. P. 3–32.
- Poboda Z.S. (2021). Energeticheskaya Strategia i Perekhod k Zelenoi Energetike v Yaponii [Energy Strategy and Transition to Green Energy in Japan]. *Japanese studies in Russia*. No. 1. P. 6–24.
- Reinhardt R. O., Pronichkin S. V. (2018) Realistskaya Paradigma Energeticheskoi Diplomatii v Rossiiskoi Nauchnoi Traditsii i ee Prakticheskaya Primenimost [The Realist Paradigm of Energy Diplomacy in the Russian Scientific Tradition and its Practical Applicability]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 1 (58). P. 94–109.
- Sawyer J. S. (1972). Man-made Carbon Dioxide and the "Greenhouse" Effect. *Nature*. Vol. 239. P. 23–26.
- Schelly C., Bessette D. et al. (2020). Energy Policy for Energy Sovereignty: Can Policy Tools Enhance Energy Sovereignty? *Solar Energy*. Vol. 205. P. 109–112.
- Sevenov V. L. (2022). Vliyanie Sanktsii SShA na Ekonomiku Venesuely [The Impact of the US Sanctions on the Venezuelan Economy]. *SSHA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*. No. 1. P. 53–66.
- Shakleina T.A. (2019) "Dilemma Ameriki" v formirovanii sovremennogo mirovogo poriyadka ["American dilemma" in the forging of a new world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 36–48.
- Shirayev E., Zubok V. (2019). *International Relations*. Oxford University Press. 464 p.
- Siddi V., Kustova I. From a Liberal to a Strategic Actor: the Evolution of the EU's Approach to International Energy Governance. *Journal of European Public Policy*. No. 28 (7). P. 1076–1094.

- Sidorova E. A. (2016). Energetika Rossii pod Sanktsiyami Zapada [The Russian Energy Industry Under Western Sanctions]. *International Trends*. No. 1 (44). P. 143–155.
- Skorokhodova O. N. (2015). Evropa i Energeticheskii Krizis 1979–1980-kh Godov: Pouchitelnye Uroki [Europe and Energy Crisis of 1979-1980: Instructive Lessons]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1(16). P. 104–115.
- Skorokhodova O. N. (2013). SShA i Zapadnaya Evropa v Usloviyakh Neftyanogo Krizisa 1973–1974 gg. [The USA and Western Europe During the Energy Crisis of 1973–1974]. *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 1. P. 37–53.
- Smil V. (2010). *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Oxford: Praeger. 178 p.
- Smil V. (2017). *Energy and Civilization: A History*. Cambridge: MIT Press. 568 p.
- Starkin S. V., Pripisnova E. S., Krivov S. V. (2022). Voprosy Energeticheskoi Bezopasnosti vo Vneshnei Politike SShA i ES: Sravnitelnyi Analiz [Energy Security Issues in US and EU Foreign Policy: Comparative Analysis]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1. P. 75–89.
- Sushentsov A. A. (2016). Vneshnopoliticheskie Platformy Respublikanskoi Partii SShA: Izolyatsionisty, Realisty, Neokonservatory [Foreign Policy Platforms of the United States Republican Party: Isolationists, Realists, Neo-Conservatives]. *Tetradi po konservatizmu*. No.1. P. 47–55.
- Telegina E. A., Khalova G. O., Illeritskiy N. I. (2018). Toplivno-energeticheskii Kompleks Islamskoi Respubliki Iran. Perspektivy Energeticheskogo Sotrudnichestva Irana s Rossiei [Fuel and Energy Complex of the Islamic Republic of Iran. Prospects of Energy Cooperation of Iran with Russia]. *Energeticheskaya politika*. No. 6. P. 91–97.
- Trachuk K. V. (2013) Sovremennyye Issledovaniya Problem Energeticheskoi Bezopasnosti: Teoreticheskie Aspekty [Contemporary Energy Security Studies: Theoretical Aspects]. *Vesnik MGIMO Universiteta*. No. 4(31). P. 219–226.
- Vaganova O. V. (2022). Russia and Sanctions. *Research Result. Economic Research*. Vol. 8. No. 1. P. 4–11.
- Wallerstein I. (2004). *World-systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press. 109 p.
- Yergin D. (2020). *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. Penguin Press. 512 p.
- Yergin D. (2008). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power*. Free Press. 928 p.